

неустойчивый), *замазулистый* (который замазался, грязный), *трекнутый* (который *трекнулся*, сошел с ума). Большая часть этих прилагательных сочетается с личными именами существительными, характеризуют лицо по каким-либо качествам, особенностям поведения. Мотивирующими нередко являются диалектные глагольные основы.

2. Прилагательные со значением признака, возникающего как результат процесса, «такой, который был его объектом»: *кваский* (который квасили), *дробный* (который дробили), *стежёный* (который стежили), *бросовый* (который бросили). Данные прилагательные сочетаются с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, которые подвергаются какому-либо действию.

Наречия, соотносимые с глаголами, в говорах Приамурья немногочисленны, как и в литературном языке. Они совмещают в себе значение процессуального признака, названного мотивирующим глаголом, со значением наречия как части речи, образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом чаще от бесприставочных глаголов. Например: *кидком* (от кидать), *сыном* (от сыпать), *лезком* (от лезть), *таском* (от таскать), *сидня* (от сидеть), *потрясом* (от трясти). Многие наречия в контексте употребляются с мотивирующим глаголом: *Сидня сидят без отдыха, без перерыва, никуда их из дому не пушиают. Уж ногу-то таском таскал. Тут вишни-то сыном насыпали.*

Одним из факторов, вызывающих интерес к изучению словообразовательных возможностей глагола является то, что «особым образом организованная семантическая структура глагола, приходит в процессе деривации в состояние динамики, происходит своеобразная актуализация глагольной семантики» [3, с.43], которая, на наш взгляд, объясняется не столько внутриязыковыми причинами, сколько связью глагольной семантики с внешним миром, значимостью процессов, обозначаемых глагольной лексемой, в жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектные различия русского языка. Словообразование. Вып. 1. Кемерово, 1991.
2. Клепицкая Н.А. Глагольные образования с приставкой за- (на материале русских говоров Приамурья) // Народные говоры Дальнего Востока. Хабаровск, 1989.
3. Грушко Н.Е. Семантика производных существительных, мотивированных глаголами физического действия // Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 801:316

Е.А. Оглезнева

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОЛЕКТ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена региональному варианту русского национального языка, функционирующему на Дальнем Востоке, а именно в Приамурье. Рассмотрены фонетические, грамматические, лексические особенности данного варианта и факторы, их обусловившие.

Ключевые слова: региональный вариант языка национального языка, Дальний Восток, региолект, регионально окрашенная лексика, лексические регионализмы, заимствования из китайского языка

The article is targeted at the regional variant of the Russian National Language functioning in the Far East, namely in the Amur Region. The study considered phonetic, grammatical, and lexical features of this variant together with the factors that caused them.

Key words: Regional Variant of National Language, Far East, Regional Varieties, Regional Vocabulary, Chinese Borrowed Words.

Язык представляет собой живую, динамично развивающуюся субстанцию, самым непосредственным образом реагирующую на жизнь общественную, жизнь социальную. Не развиваются лишь мертвые языки, утратившие коллектив носителей, или обслуживающие особую, часто довольно закрытую сферу коммуникации, например, религиозную.

Развитие языка в его социальной обусловленности в первую очередь проявляется на самом подвижном уровне языковой системы – лексическом. Именно на основе наблюдений за лексикой языка делают выводы о произошедших в языке изменениях. Гораздо более консервативны другие языковые уровни, но и они реагируют на движение жизни, предоставляя варианты, актуальные для разных коммуникативных сфер и ситуаций, и, как следствие, своей совокупностью определяя состав форм существования национального языка и дифференцируя эти формы.

Формы существования национального языка не являются неизменными. Они исторически складываются и меняются. Современный этап развития русского языка также демонстрирует ситуацию изменения состава и облика традиционно выделяемых форм существования национального языка: литературной формы, просторечия, диалекта, жаргона.

Еще в начале 90-х гг. XX в. Ю.Н.Караулов в докладе на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики», отвечая на вопрос «Что такое “русский язык”?», назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования: это «незвучащий, мертвый язык, существующий лишь в письменной форме и зафиксированный в древнерусских и старорусских текстах, а также в текстах нового времени, т.е. XVIII и, вероятно, отчасти XIX веков (1), диалектный русский язык (2), язык художественной литературы, прозы и поэзии, а также язык прессы (3), разговорная литературная речь и просторечие (4), научный и научно-технический язык (5), русский язык, используемый в машинной среде, в информационных и вычислительных системах (6), неисконная русская речь, т.е. речь людей, для которых русский язык не родной (7)». «И последнюю, восьмую форму существования русского языка, – отмечал Ю.Н.Караулов, – мы можем видеть в языке русской эмиграции. Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уж не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [1, с. 7-8]. Ю.Н. Караулов подчеркнул, что все перечисленные им «ипостаси – вместе и по отдельности – есть русский язык, и это никакие не стили, а формы его существования, в большей или меньшей степени взаимодействующие одна с другой и составляющие каждая объект определенной отрасли русистики [Там же, с. 9].

В последние годы в отечественной лингвистической литературе активно развивается понятия «региолект», «региональные варианты языка». Эти понятия стали актуальными по разным причинам, среди которых явственностью и определенностью отличаются следующие: 1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России, обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах, отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы.

В связи с этим возникает вопрос не только о существовании такого языкового явления, как «региолект», или «региональный вариант языка», но и о характере взаимоотношений региолекта с другими вариантами и формами существования языка, а также о составе региональных вариантов русского языка. Закономерно возникает вопрос и о существовании дальневосточного региолекта русского национального языка. Настоящая работа представляет собой попытку ответить на некоторые из этих вопросов.

Понятие региолекта в литературе возникло в 90-е гг. [2; 3]. К вопросу региональной формы речи, лексических регионализмов, их связи с диалектами русского языка обращались такие лингвисты как В.И. Трубинский, А.С. Герд, В.И. Беликов, А.П. Майоров и др. [2; 3; 4; 5].

В.И. Трубинский считает региолекты «новыми диалектами», новыми достаточно крупными территориально-системными образованиями, не повторяющими классического диалектного членения русского языка [2, с. 157]. В своей работе исследователь рассматривает процесс становления современных русских региолектов, анализируя избирательность наследования региолектом тех или иных диалектных черт [Там же, с. 157-162].

А.С. Герд предложил термин *региолект* для именованя речи жителей средних и малых городов, в дальнейшем ученый занимался вопросами положения диалекта среди других форм существования языка, в том числе региолектной, выявлением специфических черт последней [6, с. 48-50]. Так, он определяет региолект как особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились новые особенности [Там же, с. 48]. «Это особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа», – указывает исследователь [6, с. 48].

В.И.Беликов собирает [7; 8; 9] и исследует лексические регионализмы, в частности в сопоставлении с литературной нормой, многие из которых также можно рассматривать как составляющую региолекта [4; 8].

Более того, понятие региолект нашло отражение в литературе по социолингвистике: «основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений. От местного, территориального диалекта региолект отличается тем, что в нем явно проступают следы диалектных влияний, смешанные с городским просторечием и жаргонами» [9, с. 231].

Известны труды Пермской социолингвистической школы, принявшей идею существования региолекта. Так, Е.В. Ерофеева видит в региолекте промежуточный идиом, который

может проявлять в большей или меньшей степени черты «перемешанных в нем идиолектов» [10, с. 100]. Она также постулирует положение о двойственной природе языка города (язык города по сути может быть отождествлен с региолектом). Язык города гетерогенен, поскольку рождается «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение» (с одной стороны), но (с другой стороны) взаимодействие этих разнородных языковых образований «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» [т.е. региолекта – *Е.О.*] [Там же].

Существует опыт рассмотрения региолекта в ряду эволюционных изменений языковых вариантов [11]. При этом региолект понимается как особое языковое звено в группе переходных неустойчивых явлений. Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию «язык». По мнению М.А. Бородиной, более открытые системы региональных говоров/языков (=региолектов) занимают большее пространство, чем более замкнутые системы территориальных диалектов [11, с. 30].

Начало формирования региолектов не стоит связывать лишь с современным периодом. Не случайно, думается, пермские социолингвисты рассматривают в непосредственной близости (но не тождестве!) понятия «язык города» и «региолект». Возникновение городского пространства, своеобразие городского устройства в каждом отдельном городе, а также творческий языковой потенциал горожан изначально обуславливают факт возникновения такого явления как региолект. Кроме всего прочего, данный языковой вариант – региолект – поддерживается и административным членением с его (пусть относительной в век информационных технологий) автономией, подкрепленной российскими расстояниями.

Не случайно региональность языкового существования ярче всего проявляется и обладает безусловной очевидностью на дальней периферии России.

Особо хотелось бы отметить работы русистов Бурятии, которые занимались изучением языковой специфики своего региона (в частности, книгу А.П. Майорова «Введение в лингвокраеведение Бурятии» (2010), где рассматривается региональный вариант национального языка на примере русского языка в Бурятии, на котором, кстати, говорит большая часть населения этой республики. «Образованные люди говорят нередко по-разному, – пишет А.П. Майоров, – и причина этого кроется не в особенностях языковой личности, индивидуальности речи говорящего, а в другом. К сожалению, не всегда учитывается то, что образованные люди говорят не совсем одинаково на разных территориях распространения русского языка» [12, с.7]. И далее в своей книге А.П. Майоров рассматривает региональные варианты разнородных языковых единиц: в области артикуляции и интонационно-ритмических структур, в области грамматики и словообразования, в области лексики (*улан-удинский – улан-удэнский (регион)*), в частности заимствования из бурятского языка вследствие межязыкового взаимодействия.

В 2010 г. вышел «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова, подготовленный к печати его учениками из Северо-Восточного государственного университета (Магадан). Именно региональной, а не диалектной лексики, ибо этот словарь включает слова, которые используются не только в местных говорах, но во всем регионе [13].

В подтверждение принятия идеи региональной окрашенности языка, в том числе и литературной его формы, процитируем Л.Л. Касаткина, известного отечественного фонетиста, диалектолога, одного из авторов вышедшего недавно «Большого орфоэпического словаря русского языка», который в теоретическом разделе к этому словарю употребляет сочетание слов «территориальные разновидности **литературного** [выделено мной – Е.О.] языка» [14, с. 938], характеризуя орфоэпические варианты и тем самым в общем-то снимая дискуссионность вопроса о существовании региональных вариантов языковых единиц.

Понимание безусловного права на жизнь у таких понятий как «региолект», «регионализм», «регионально окрашенная лексика», «региональная норма» возникает при проекции их на реальную жизнь русского национального языка и на Дальнем Востоке. Наблюдения за дальневосточной речью в течение длительного времени (на основании источников на протяжении более чем ста лет) свидетельствует о его специфике по сравнению с русской литературной речью и с русской речью в других регионах России.

Эта специфика связана с несколькими факторами:

1) с диалектным влиянием, проникающим в различные сферы речевой коммуникации и обуславливающим довольно широкое распространение некоторых диалектных лексем, а также диалектных фонетических особенностей;

2) с наличием в региональной речи особых терминологических лексических систем, обусловленных развитием актуальных для региона промыслово-хозяйственных и других областей деятельности;

3) с геополитическим фактором, определяющим, например, источники заимствований из других языков в регионе;

4) с возможностями самой языковой системы, ведущим к своеобразной, своеобразной реализации, что проявляется, например, в лексических новообразованиях.

Что же специфичного в дальневосточном региолекте русского языка, или в дальневосточном варианте русского национального языка? Что позволяет говорить о нем именно как о варианте языка?

Фонетика. Фонетические особенности в региолекте обусловлены, как правило, диалектным влиянием (работы Трубецкого, Гердта, Букринской и Кармаковой и др.) [2; 3; 6; 15]. Однако современная речь жителей дальневосточных городов почти лишена диалектных черт в произношении, которые всего лишь 20 лет назад в ней были совершенно очевидны. Яркий пример – произношение г-фрикативного вместо г-взрывного, предписываемого литературным стандартом; произношение названия реки Зея с твердым согласным [з], который не смягчается перед переднеязычным, что также не соответствует литературному произносительному стандарту. Эти произносительные особенности связаны с влиянием южно-русских и украинских говоров, носители которых в большом количестве присутствовали в регионе и способствовали распространению отмеченных произносительных вариантов.

В произношении и интонировании дальневосточная речь, по нашей собственной же мифологии, «самая правильная». При этом обычно сравнивают наше произношение с произношением москвичей, где гласный [а] более открытый и интонационный рисунок несколько отличен от нашего. Есть объяснение нашей «правильности», и оно имеет свой резон. В ситуации разноречия, которое происходит на территориях позднего

заселения, к которым относится и Дальний Восток, сильнее проявляется ориентир на единую, осваиваемую поголовно в школе в XX в. литературную норму, и это весьма значимо для более успешной коммуникации.

Грамматика. Региональные грамматические варианты представляют собой чаще всего реализацию внутренних законов языкового развития и, изредка встречаясь в речи носителей литературной формы языка, в значительной степени присущи носителям просторечия. Ср.: *накладывать*, но *наложИть* – такие употребления соответствуют литературной норме, и *налАживать* и *налОжить* – распространенные в употреблении варианты в нашем регионе.¹

Лексика. Самый интересный, пожалуй, уровень, демонстрирующий действительное своеобразие, и самый очевидный. Здесь необходимо говорить о так называемой «регионально окрашенной лексике». Под **регионально окрашенной лексикой** мы понимаем слова, которые используются на той или иной территории, независимо от того, городская она или сельская. Данная лексика не фиксируется в современных словарях, так как не принадлежит к общерусской².

Выделяются две основные группы регионально окрашенной лексики:

1) **заимствованная лексика:** а) непосредственные заимствования из других языков, главным образом, из китайского: *фувуюань*; б) актуализированные общерусские заимствования: *фанза*.

2) **собственно русская лексика:** а) возникшая в результате словообразовательных процессов с использованием словообразовательных механизмов русского языка: *чумизник*, *помогайка*, *отсветка*; б) возникшая в результате семантического развития исходного значения – полисемии: *остров*, *кирпич*.

Все лексемы, относимые нами к регионально окрашенным, характеризуются повторяемостью и разной степенью частотности. Они были собраны по разным источникам: во-первых, это записи разговорной речи, Интернет-опросы, анкетирование жителей Дальневосточного региона и других регионов, выполненные студентами филологического факультета Амурского госуниверситета, занимавшимися с 2009 по 2012 гг. в научном семинаре «Региональные разновидности языка: региолекты, диалекты, пиджины», и школьниками гимназии № 25 г. Благовещенска под руководством автора этой статьи; во-вторых, средства массовой информации (местные газеты, региональные интернет источники (информационные порталы, блоги и др.), демонстрирующие такую лексику как неотъемлемую часть словарного состава жителей Дальневосточного региона, Амурской области в частности. Любой из лексических регионализмов можно проиллюстрировать текстовой реализацией.

См., например, использование лексического регионализма *помогайка*: *Народное правительством города Хэйхэ запретило торговцам трогать россиян. В торговых центрах Хэйхэ развешаны документы, в которых на русском и китайском языках написано о том, что продавцам нельзя хватать российских туристов за руки, подталкивать их к прилавкам и так далее. Кроме того, «помогайкам» и продавцам, предлагающим купить носки или белье с рук прямо на улице, запрещено приставать к покупателям. Некоторые туристы уже*

¹ В Бурятии отмечены такие же варианты как региональные [12, с.15].

² Исключения составят экзотизмы, которые являются принадлежностью общего словаря, в региолекте же они теряют статус экзотизма из-за частотности употребления и расширения своей семантической структуры.

успели ощутить на себе эффект этих ограничений. «В апреле мой друг был в Хэйхэ и заметил, что «*помогаяк*» действительно стало намного меньше, – рассказал директор Института Конфуция БГПУ. – Цель этих ограничений – свести на нет инциденты между нашими туристами и местными жителями» (опубликовано на информационном портале «Амур.инфо» 18 мая 2012 г.)

Приведем примеры современной регионально окрашенной лексики, или лексических регионализмов в более дробной классификации, отражающей непосредственные источники заимствования и способы их возникновения.

1. Лексические регионализмы, возникшие в результате заимствования из китайского языка, и собственно русские образования от них:

КУня. 1. Девушка, молодая женщина. 2. Обращение к девушке, молодой женщине китайской национальности на рынке или в сфере услуг. *Используется в городах Благовещенске и Хэйхэ (КНР).*

КамбЭй. Предложение выпить до дна алкогольный напиток. *Используется при застолье с китайцами.*

МЭйю. Указание на отсутствие чего-либо: нет, отсутствует, не имеется. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

Ни хАо. Китайское приветствие: здравствуйте. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

Пу хАо. Китайское оценочное слово: плохо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ПушИ. Выражение отказа: не нужно, не надо.

СЕсе. Китайское выражение благодарности: спасибо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ФАнза. Жилище, квартира невысокого качества.

Фу юАнь, фу вуюАнь. 1. Обслуживающий персонал: горничные в гостинице, официанты в ресторане и т.п. 2. Обращение к обслуживающему персоналу – горничным, официантам и т.п. *Употр. в городах Хэйхэ (КНР) и Благовещенске (в сфере услуг, оказываемых китайцами, или как оценочное обращение в русской речи).*

Фу юАнька (ласк.), **фУйка** (пренебр.), **фУя.** То же, что **фу юань, фу вуюань.**

ХанА. Китайская водка.

ХАо. Китайское оценочное слово: хорошо. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ЧисанчИ (вариант **ТисанчИ**). Название блюда китайской кухни «Три свежести» (в буквальном переводе).

ЧифАн. Китайская еда; блюда китайской кухни.

ЧифАнька. Кафе китайской кухни.

ЧифАнить. Есть китайскую еду – блюда китайской кухни.

ШангО. Оценочное слово со значением одобрения. *Находится в пассивном употреблении.*

И некоторые другие.

II. Лексические регионализмы, возникшие в результате заимствования
из русско-китайского пиджина:

ДрУга. Обращение к лицу китайской национальности на рынке или в сфере услуг. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

КапитАна. 1. Начальник. 2. Обращение к начальнику. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

МадАма. 1. Женщина. 2. Обращение к женщине. *Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

ХулигАна. Хулиган, разбойник. *Оценочное. Употр. в речи с китайцами, а также иронично или с целью языковой игры.*

III. Лексические регионализмы, возникшие в результате полисемии:

Кирпич. Человек, перевозящий товары из Китая.

Остров. Зона свободной торговли, располагающаяся на острове на реке Амур.

Отсветить. Сделать ксерокопию.

Свечка. Многоэтажный одноподъездный дом.

Фонарь. Человек, помогающий за определенную плату перевозить товары из Китая в объеме, дозволенном к вывозу.

И другие.

IV. Лексические регионализмы, возникшие в результате словообразования:

Блага, Благ. Неофициальное название города Благовещенска.

Зареченск. Неофициальное название города Хэйхэ (КНР), располагающегося на противоположном от г. Благовещенска берегу реки Амур.

Китайка. Кафе китайской кухни.

Киты. Китайцы.

Маршрутка. Маршрутное такси, микроавтобус.

Микрик. Микроавтобус, используемый как маршрутное такси.

Отсветка. Ксерокопия.

Полторашка. Пластиковая бутылка емкостью 1,5 литра.

Помогайка. Название китайского помощника, навязчиво предлагающего свою помощь.

Тралик. Троллейбус.

Хабара. Неофициальное название г.Хабаровска.

Хитроград. Неофициальное название г. Биробиджана.

И другие.

Студентка филологического факультета АмГУ Юлия Атрощенко, занимавшаяся изучением регионально окрашенной лексики, составила текст с использованием этой лексики – текст, который не будет понят до конца представителями других регионов России – носителями русского языка, поскольку им не известно значение многих использованных там слов. Вот отрывок из этого текста: «Свой сотовый она приобрела у **китов**, когда ездила **фонарем** у знакомого **кирпича**. На **остров** девушка ездила часто и знала в лицо всех назойливых **помогаяек**. То в такси зазывают, то **чифаньку** какую-нибудь навязывают...».

Регионально окрашенная лексика может быть рассмотрена с точки зрения системных – парадигматических – отношений, свойственных любой лексической системе.

Во-первых, лексические регионализмы вступают в отношения **синонимии** как с общенародными лексическими единицами, так и с диалектными и другими регионально окрашенными лексемами (*дом – фанза – хата*), во-вторых, они вступают в отношения **семантического и формального варьирования** (*кирпич – кирпич; хана – ханжа – ханшина* и т.д.), в-третьих, лексические регионализмы могут находиться в **мотивационных отношениях** друг с другом и с общерусскими лексемами, причем эти отношения могут быть представлены как морфо-семантической структурой слова, так и его лексико-семантической структурой (*отсветить «ксерокопировать» – отсветка «ксерокопия»; свечка «палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая источником освещения» [16, с. 691] – свечка «высотный одноподъездный дом»*).

Важным свойством лексических регионализмов является их реальная и потенциальная **вариативность**, обусловленная в целом теми же причинами, что и вариативность диалекта: некодифицируемость, ненормативность, преимущественно устная форма бытования (в письменной речи – в СМИ – они присутствуют как вкрапления, отсылающие к более известным в некодифицированной сферах языка наименованиям). Ярким примером этого явления может послужить заметка, опубликованная в начале XX в. в одной из благовещенских газет, которая, с одной стороны, отражает забавный факт особого регионального существования («из истории амурского пьянства»), а с другой стороны, выступает примером языкового существования в регионе, связанного с функционированием заимствованной из китайского языка лексемы, варьирующей уже в пределах одного небольшого текста:

«Источник маньчжурской ханшины

*16 ноября на реке Амуре против Станичной улицы у переправлявшихся в этом пункте китайцев в 4 часа вечера отобрана и вылита в яму до сорока лонков **ханшины**. Узнав об этом радостном событии, некоторые любители до выпивки из окрестных жителей с жадностью накинулись на источник, ложились на животы и пили, таскали ведрами, котелками, бутылками, черпали ковшами и т.п. Одним словом, дошли до состояния добравшихся к хорошему корму свиней. В результате – до поздней ночи здесь раздавались песни, производилась пляска, ругань и драка. В числе упившихся с неба свалившейся **Ханой** наблюдались дети и подростки. На завтра, т.е. в воскресенье, 17 числа, многие из накануне упившихся ходили опохмеляться и за недостатком **ханшины**, исчезнувшей за ночь, лизали лед языками, ели снег и т.п.»* Амурская газета. № 126. 20 ноября 1902 г.).

Подобные примеры варьирования могут быть приведены и с использованием более современных лексических регионализмов: *фуюань* (варианты *фувуюань, фуюанька, фуя, фуйка*), *чисанчи* (вариант *тисанчи*) и некот. др. Это позволяет рассматривать вариативность как важное свойство региолекта, обусловленное особенностями его возникновения и существования.

В целом проведенный анализ регионально окрашенной лексики в лексической системе русского языка дальневосточников упрочивает ее позиции в словарном составе региона и обеспечивает право быть идентификатором особого регионального варианта языка, в нашем случае – дальневосточного региолекта.

Анализ регионального языкового материала на протяжении более ста лет позволяет утверждать, что **региолект – это историческое явление**. Различные лингвистические источники, начиная с конца XIX в. и заканчивая началом XXI в., демонстрируют регионально окрашенную лексику и, следовательно, свидетельствуют о региональной специфике национального языка, которая, полагаем, была, есть и будет.

Мы не одиноки в таком убеждении. Так, в 2011 г. в Москве вышел «Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье», автором которого является А.П. Майоров. И этот словарь содержит (цитирую – *Е.О.*) «лексику, характеризующую **региональный вариант национального языка** восемнадцатого столетия... В словаре использован уникальный материал рукописных памятников деловой письменности» регионального происхождения [17].

Региолект как историческое явление наглядно проявляется уже составом местных лексических заимствований, характерных для разных периодов его существования. Состав региональных заимствований более ранних периодов определяется по письменным источникам: периодическим изданиям, мемуарной и художественной литературе и др. В качестве вспомогательного источника выступают записи диалектной речи, сделанные в селах региона, в том числе и Амурской области. Это главным образом заимствования из китайского языка.

Подробный анализ состава лексических заимствований в регионе и динамику этого состава на протяжении XX в., особенно подробно – в его первой половине, осуществлен нами в работе «Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования», опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» в 2008 г. [18].

Все приведенные нами факты могут служить доказательством регионально обусловленной специфики русской речи в Дальневосточном регионе и позволяют говорить о существовании региолекта как одной из форм языкового бытия, одном из его вариантов, в данном случае – о существовании дальневосточного региолекта.

Р.С. Нам хорошо известно о региональных вариантах других языков: например, о британском, американском, канадском и австралийском вариантах английского языка. Нам известно о влиянии китайских диалектов на литературный путунхуа, что опять же ведет к порождению его вариантов. Мы также знаем о многочисленных заимствованиях из русского языка на Северо-Востоке Китая, что обусловлено довольно тесным, хотя и дискретным на протяжении XX в., русско-китайским взаимодействием в регионе. И этот факт свидетельствует о региональной специфике китайского языка на приграничных с Россией территориях, и он позволяет говорить о его региональной вариативности. Поэтому мысль о региолектах как наддиалектных языковых формах, актуальных для современности несмотря на процессы глобализации и интернационализации многих сфер жизни, необходимо развивать в разных аспектах, а сами региолекты описывать и изучать, видя в них разные лики одного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклады на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991. С.4-11.
2. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. С. 156-162.
3. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
4. Беликов В.И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие сообщения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: 2004. С. 23–38.

5. Майоров А.П. Безударные гласные после мягких согласных в забайкальском региолекте XVIII в. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. С. 55–61.
6. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. 45–52.
7. Форум «Городские диалекты»: <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>
8. Беликов В.И. Литературная норма и лексические регионализмы. Доклад в Институте русского языка им. В.В.Виноградова. 23.11.06 г.
9. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
10. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социоллингвистический аспект. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.
11. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. 1982. №5. С. 29–34.
12. Майоров А.П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. 114 с.
13. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, Изд-во СВГУ. 2010. 539 с.
14. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с. (Фундаментальные словари).
15. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Диалект – региолект – региональный вариант литературного языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С.17–19.
16. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995.
17. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.
18. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. Вып.16. С.119–136.

УДК 800.86/87

Л.В. Кирпикова

НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ НА АМУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. (по материалам Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского)

В статье анализируются материалы Словарной картотеки известного краеведа Г.С. Новикова-Даурского как регионального лингвистического источника для изучения народной разговорной речи Приамурья в начале XX в.

Ключевые слова: народно-разговорная речь, Приамурье, Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского, разговорно-просторечная лексика, жаргонная лексика

The empirical data for the analysis was taken from the Word Index of a well-known local historian G.S. Novikov-Daurskiy. This linguistic information is viewed as a unique local linguistic source for studying folk colloquial speech in the Priamurye in the beginning of the 20-th century.

Key words: Folk Colloquial Speech, the Priamurye, Word Index by G.S. Novikov-Daurskiy, Colloquial Words, Slang.

В биографических вехах Григория Степановича Новикова-Даурского прошедший 2011 год особый. Исполнилось 130 лет со дня его рождения и 50 лет со дня смерти. С годами значимость подвижнической деятельности Г.С. Новикова воспринимается все объемнее. Он